Калинина Н.В. Защитные стратегии в регуляции творческого мышления субъекта

-

English version: Kalinina N.V. The defence strategies in creative thinking regulation

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Сведения об авторе
Литература
Ссылка для цитирования

Статья продолжает описание результатов эмпирического исследования защитных стратегий (см.: Калинина Н.В., Психол. исслед., N 1(9), 2010). Рассматривается вопрос о защитной регуляции мыслительной деятельности субъекта при работе с тестовым материалом, содержащим элемент мотивационной неоднозначности, противоречия. Проводятся параллели с результатами исследований защитных компонентов мыслительной деятельности, выполненных О.Н.Арестовой и Н.Б.Березанской.

Ключевые слова: психология мышления, дифференциальная психология, психодиагностика, проективные методы, психологическая защита, индивидуальные защитные стратегии, параметрические модели

Постановка проблемы

Проблема индивидуальных стратегий мыслительной деятельности и их роли в деятельной реализации личностных характеристик вызывает стабильный исследовательский интерес как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Эта проблема получает самую различную интерпретацию, в том числе и в связи с традиционно актуальным вопросом о природе и функциях психологической защиты, ее реализации в деятельности субъекта.

Отказ от понимания защитной активности как преимущественно деформирующего мышление процесса, характерный для современной психологии [Plutchik, 1980; Василюк, 1984; Бассин и др., 1988; Романова, Гребенников, 1996; Блюм, 1999; Vaillant, 2000; Хорни, 2002; Мак-Вильямс, 2006; Соколова, 2007 и др.], а также тесно примыкающие к этому пониманию исследования «стратегий совладания» [Lazarus, Folkman, 1984; Либин, 1999; Грановская, Никольская, 1999; Крюкова, 2004 и др.] привели к возможности не только компиляции, но и продуктивного сочетания представлений о психологической защите с методологически отличными, но феноменологически пересекающимися с данной тематикой построениями в области психологии мышления.

Например, речь идет о смысловой теории мышления О.К.Тихомирова, в которой личностная детерминация мышления описывается как сложный, нелинейный, многоуровневый процесс, затрагивающий взаимодействие различных смысловых образований и включающий как осознанные, так и бессознательные компоненты [Тихомиров, 1984]. Эта теория постулирует значимость мыслительных процессов в переструктурировании и развитии смысловых образований личностного уровня, связанных с решением личностно значимых, проблемных задач.

Характерность, типичность применяемых конкретной личностью способов смысловых

преобразований при этом актуализируют вопрос о соотношении ситуативного и устойчивого в мыслительной деятельности, формирования стратегических подходов в ее регуляции.

Стратегиальные характеристики защитного поведения, связанные с проработкой проблемной ситуации, являются основным предметом нашего исследовательского интереса. Несмотря на многие наработки в этой области, вопрос о взаимовлиянии личностно ориентированных защитных и собственно «задачных» компонентов стратегии решения мыслительных задач к настоящему времени исследован явно недостаточно. Сложность проблемы усугубляется расхождением исследовательских подходов к так называемому узкому – как решение мыслительных задач, и широкому – как регуляция жизнедеятельности на основе обобщенных и опосредствованных механизмов – пониманию мышления субъекта.

Многие авторы отмечают, что при столкновении объективной логики мышления с задачами, включающими элемент противоречия, мотивационной неоднозначности, в структуре познавательных процессов возникают индивидуально специфичные искажения, характер которых весьма неслучаен [Копина, 1982; Березанская, 1983, 1987; Арестова, 2006, 2007]. Характер этих искажений связан с позиционированием смысла задачи в общей системе целевой и смысловой регуляции субъекта и зависит от актуальных для личности в текущий момент времени мотивационных и внутриличностных конфликтов.

Проблема субъективного перевода подобных задач с «интеллектуального» уровня решения на уровень актуальных мотивационных и внутриличностных конфликтов подробно исследовалась в работах И.Н.Семенова, Ю.С.Степанова [1982, 1983] и других авторов. Однако данный подход исходит из примата интеллектуальных процессов, прежде всего рефлексии, и в нем субъективная трансформация мыслительной задачи рассматривается исключительно как продуктивное смыслообразование.

Мы считаем не менее важным исследование такой смысловой трансформации решаемой субъектом мыслительной задачи, как связь индивидуальных стратегий ее «личностного преломления» с актуальной точкой динамики мотивационных конфликтов личности, ее собственной противоречивости.

Индивидуальные стратегии «личностного преломления» задачи особенно четко проявляются в диагностических задачах, включающих элемент противоречия, мотивационной неоднозначности. Классифицируя проблемные задачи, используемые для изучения творческого мышления, А.М.Матюшкин называл подобные задачи информационно-семантическими, то есть задачами с «недостающей» информацией. Примерами таких задач можно назвать методику «Толкование пословиц» [Нестандартизированные…, 1995; Арестова, 2006] и модификацию «Метода пиктограмм» [Арестова, 2007]. За счет проективной нагруженности речевых конструкций, применяемых в этих методиках в качестве зондовых стимулов, происходит соприкосновение объективной логики мышления испытуемого с мотивационно окрашенным и эмоционально насыщенным содержанием, которое порождает специфические искажения в структуре познавательных процессов.

В исследованиях О.Н.Арестовой [2006, 2007] были описаны некоторые виды защитных искажений, возникающих при воспроизведении испытуемым так называемых зондовых словосочетаний (модификация «Метода пиктограмм») и объяснении зондовых пословиц (методика «Толкование пословиц»).

Так, были выявлены различного рода искажения процесса запоминания: полное забывание, частично правильное воспроизведение с утерей какого-либо компонента зондового словосочетания (например, «строгая мать» испытуемый воспроизводит просто как «мать») и искаженное по смыслу воспроизведение (например, «строгая мать» преобразуется в «злая мать»).

Особое внимание было уделено смысловым искажениям, среди которых были выявлены также эгоцентричность толкования (перевод объективного значения пословицы в плоскость собственных переживаний), оценочность (оценивание пословицы вместо объяснения смысла), прямые и грубые искажения смысла, а также сосредоточенность испытуемого на определенной теме – то есть защитная фиксация.

В исследованиях отмечались различного рода эмоциональные проявления испытуемых при отсутствии смысловых искажений: выказывание признаков эмоциональной реакции (смех, мимика, эмоциональные высказывания и т.д.) и признаков аффективного переживания в рисунке. К эмоциональным реакциям отчасти можно отнести также выказываемое некоторыми испытуемыми агрессивное отношение, которое выражалось в обесценивании смысла пословицы.

В исследовании Н.Б.Березанской [1987] используется параметрический подход к стратегиям решения проблемных задач и, в частности, к защитным компонентам этих стратегий. На материале результатов, полученных при моделировании компьютерного эксперимента по решению мыслительных задач, Н.Б.Березанская выделяет несколько параметров классификации индивидуальных стратегий решения, среди которых содержание стратеги, степень ее целостности или единства, динамичность стратегии, степень осознанности, рефлексируемости собственных действий, точность прогноза реализации стратегии и ее развернутость.

В данном исследовании также были описаны некоторые типы защитного поведения, оказывающие конструктивное и деструктивное влияние на процесс решения задачи. Так, была обозначена негативная роль таких типов защиты, как переоценка интеллектуальных возможностей компьютера по сравнению с возможностями человека, снижение значимости мотивации достижения и выбор субъективно легких заданий, искажение значимости информации, получаемой от компьютера (игнорирование части его сообщений), а также защитное обесценивание компьютера.

Помимо этого были выделены общие характеристики защитной стратегии, оказывающие влияние на функционирование контролирующих процессов в деятельности: отмечалась связь гибкости защитной стратегии с развернутостью процессов контроля – чувствительностью к собственным ошибкам и определению мест локализации ошибок при коррекции стратегии.

Таким образом, в исследованиях защитной регуляции мыслительной деятельности, проведенных разными авторами, были выявлены некоторые способы развертывания защитной стратегии. Так, отмечены различная степень и различный характер смысловых искажений при использовании защитных стратегий. Показана важность гибкости защитной стратегии для эффективности решения «открытой» творческой задачи с неопределенными условиями.

Цель исследования

Целью проведенного нами эмпирического исследования стало выявление смыслового содержания, динамики и феноменологических проявлений защитных стратегий в регуляции мыслительной деятельности.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 60 испытуемых (22 мужчины и 38 женщин в возрасте от 19 до 58 лет, средний возраст 37 лет).

В работе использованы возможности проективного метода как применяющего максимально неопределенные творческие задачи, предполагающие их понимание и решение на различных смысловых уровнях. Для исследования вопроса о специфичности или целостности защитной

стратегии в зависимости от характеристик задачи в эмпирическом исследовании применялись задачи различной степени структурированности. К числу наиболее структурированных нами были отнесены «Метод пиктограмм» и методика Дембо–Рубинштейн. Средне структурированными являются методики «Толкование пословиц» и «Незаконченные предложения». Наконец, наименее структурированными из применяемых в исследовании методик, с наибольшим индексом проективности, являются «Рисунок семьи» и «Рисунок несуществующего животного». Использованный в данном исследовании комплекс проективных методик представляет разную фактуру для развертывания защитной стратегии.

Выделим среди названных методики «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи». Мы считаем возможным использование данных методик для диагностики защитной регуляции мыслительной деятельности – при некоторой их модификации, которая включает большее по сравнению со стандартной инструкцией задействование собственно мыслительного компонента. Смысл этой модификации заключается в том, что испытуемому предлагается составление проективных рассказов «из жизни персонажей». Это выводит для испытуемого решение диагностической задачи на уровень обсуждения его актуальных личностных проблем.

Для диагностики актуализации психологической защиты и характера защитной реакции использовались две группы критериев – изменение формальных характеристик внешне наблюдаемого поведения и изменения содержательных характеристик мыслительной деятельности.

В соответствии с этим разделением среди формальных изменений внешне наблюдаемых характеристик поведения фиксировались следующие показатели:
– эмоциональные реакции. Помимо проявления эмоциональных состояний (смех, восклицания, агрессия, «ступор») фиксировались также признаки аффективного переживания в рисунке или в письменном тексте (штриховки и зачернения; исправления и зачеркивания, доходящие до полного «вымарывания» текста; символы и знаки, выражающие аффектацию; изображения аффективно насыщенных ситуаций и предметов; изображение лиц и фигур людей в состоянии аффективного возбуждения);
– изменения паравербальных компонентов речи – паузы, ускорение или замедление темпа речи, появления необычных интонаций и горловых зажимов;
– деструкция вербальных характеристик речи – появление несогласованных частей предложения – как в речи, так и в письменном тексте, а также появление жаргонной, ненормативной лексики;
– изменение невербальных компонентов – появление нехарактерной для испытуемого мимики и жестикуляции.

В группе критериев, определяющих защитную динамику смыслового восприятия материала, фиксировались следующие показатели:
– нарушения инструкции;
– оценочный характер высказываний в отношении как стимульного материала и ситуации тестирования, так и персонажей рисунков и рассказов;
– застревание на определенных темах и категориях – возвращение к одной и той же теме; излишне детализированное описание или объяснение – в сравнении с другими описаниями;
– использование юмора;
– фантазирование;
– появление признаков идентификации – описание эмоциональных состояний персонажей, использование личного жизненного опыта;
– привнесение в проективную ситуацию новых деталей «от себя», новых смыслов (например, замена субъективно «травмирующего» содержания на субъективно «безопасное»);
– «выпадение» части смыслового пространства (в рисуночных методиках – выпадение логически необходимых деталей изображения; в методе пиктограмм – «мотивированное забывание», то есть классическое вытеснение);
– прямые и грубые искажения смысла воспринимаемого материала (непонимание пословиц и предложений; искаженное восприятие тестового задания в целом);

– скрытые отказы (пропуск тестовых предложений, изображение аморфной массы вместо персонажа и т.п.);
– обращение к авторитетам (цитирование «классиков», обращение к сюжетам фильмов и книг, уход в профессиональную терминологию и т.п.);
– «эпатирующие» ответы;
– описание испытуемым травмирующей ситуации или защитной реакции персонажа.

Проведенное исследование позволило дополнить результаты исследований О.Н.Арестовой и Н.Б.Березанской, расширить представления о защитном характере демонстрируемых испытуемым реакций и рассмотреть их с точки зрения стратегиальных компонентов защитной регуляции при решении проблемных задач.

Результаты и их обсуждение

Результаты, полученные нами в эмпирическом исследовании, свидетельствуют о том, что в диагностических ситуациях, связанных с использованием указанных методик, происходит специфичный для каждого испытуемого переход решения задачи с уровня «собственно» задачи на интеллектуальную деятельность (запоминание, категоризация, оценивание, творческое воображение и т.п.) на уровень характерных для личности в текущий момент времени внутриличностных мотивационных конфликтов.

При анализе проективных рассказов испытуемых, составленных к методикам «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи», нами были выделены следующие стратегические особенности защитной регуляции мыслительной деятельности: уход, оценочность, рационализация, фиксация на проблемных темах, агрессия, самоприукрашивание, компенсация, ограничительные реакции, делегирование ответственности.

Рассмотрим выделенные показатели более подробно, проиллюстрировав их примерами из исследования (сохранены особенности речи испытуемых).

1. Уход.

К реакциям ухода мы относим защитные реакции, общий смысл которых состоит в психологическом дистанцировании от проблемной ситуации. Часто встречающейся особенностью защитной стратегии ухода является презентация испытуемым готовых решений, без объяснения способа их нахождения.

Формы проявления этой стратегии весьма разнообразны. Так, уход может проявляться в форме фантазирования – придумывании компонентов реальности, которые восстанавливают субъективную картину мира. При составлении проективного рассказа испытуемый добавляет в него желаемые детали, таким образом в идеальном плане простраивая собственную жизнь «нужным образом».

> *Пример*. Рассказ испытуемого – неженатого мужчины 39 лет – к «Рисунку семьи» (на рисунке изображена пустая комната с двумя рабочими столами): «Песочница, где играет ребенок, два рабочих стола – мужа и жены, и плита, где домработница. Живут два человека [пауза] которые [пауза] имеют дочь [пауза]. Между ними царит любовь и доброта [пауза]. Всякий раз, когда нужно сделать наставление для ребенка, находятся нужные, хорошие слова. Всякий раз, когда нужно решить какой-то вопрос между супругами [пауза], они подходят к этому разумно. Ко всяким бытовым хлопотам они относятся очень практически. Для многих [пауза] даже слегка знакомых с этой семьей [пауза] это такая новая свежая страничка в современной жизни [пауза] в том, как люди могут уделять друг другу внимание и любовь».

Характерно, что в данном рассказе не только возникают не существующие в реальности персонажи (жена, дочь), но и подробно описываются их идеальные отношения.

Возможен также уход в форме избегания – то есть нарочитого неупоминания в рассказе тем, субъективно связанных с проблемной областью.

Совершенно особым способом ухода является деперсонализация. При этой реакции человек воспринимает проблемную ситуацию абсолютно четко и адекватно, однако как будто происходящую не с ним. Показателем этого способа ухода в проективных рассказах является упоминание испытуемым о себе в третьем лице.

> *Пример*. Из рассказа испытуемой (46 лет, преподаватель музыки) к «Рисунку семьи»: «Егоная бывшая жена [имеется в виду сама испытуемая] – тоже кошка, которая гуляет сама по себе. Что она любит, эта тетя… тетя уже давно ничего не желает. Есть – хорошо. Нет – ну и хрен с ним, ничего страшного».

2. Оценочность.

Оценочность проявляется в тенденции испытуемого выносить категоричные и достаточно поверхностные суждения, связанные с сюжетами проективных рассказов. Защитная роль такой «черно-белой» картины мира заключается в нечувствительности к любой неопределенности, которая может нарушить устоявшийся порядок. Одновременно с этим происходит защитное обесценивание людей и событий, которые не укладываются в привычные представления.

> *Пример*. Рассказ испытуемой (21 год, студентка) к «Рисунку несуществующего животного»: «Животное зовут Колкокрыл. Это такое животное, которое сначала, может быть, было не очень удачливым и [пауза] каким-то, может быть, колючим, что-нибудь такое. Как-то жизнь ему не улыбалась, и однажды он [пауза] просто [пауза] просто выручил [пауза] как бы [пауза], может быть, какого-то другого животного [пауза], может быть, подобного себе [пауза] в какой-то тяжелой ситуации. То есть помог ему [пауза], вот. И поэтому [пауза] в дальнейшем он стал дружить с остальными – ну, прежде всего с тем, кого спас, там, выручил, поэтому так [пауза] и повеселел».

3. Рационализация.

Наиболее часто рационализация в проективных рассказах испытуемых проявляется в виде нахождения «разумно-позитивных» моментов в произошедшем событии, рационального обоснования сделанного выбора и одновременного нахождения негативных моментов в отвергаемых выборах.

> *Пример*. Рассказ испытуемого (38 лет, программист): «Жил-был Терозмей. Он был очень грустный. Потому что в категориях "рожденный ползать летать не может" он никак не мог определить, кто он – рожденный летать или рожденный ползать. Ползать он не любил, потому что у него были крылья, а летать у него плохо получалось, потому что крылья были маленькие. Так, он пытался взлететь, а когда у него не получалось – обиженно уползал. Так он по-прежнему живет и пытается. Он заползает на высокое дерево и пытается с него спланировать – и летит далеко. А другие ему завидуют, его способностям, Терозмея».

Иногда рационализация в проективных рассказах может проявляться также в виде «разбора полетов» – описания, связанного с реальными жизненными событиями и сопровождающегося выводами из них.

> *Пример*. Рассказ испытуемой (58 лет, редактор газеты) к «Рисунку несуществующего животного» (рисунок представляет собой шар с несколькими отверстиями): «Значит, жило-

было существо [пауза], развивалось как могло в силу своих способностей и биологических задатков. Но наступило другое время, и пришлось ему жить в других условиях. Не привыкло оно, ну [пауза] как говорят, времена не выбирают. И оно тоже жило-жило и стало себе придумывать разные приспособления для того, чтобы выживать в этих условиях. Как все [пауза], как любая биологическая особь. Ну [пауза], придумало крылышки себе, чтоб летать где-нибудь там, движитель, вот, не знаю, как мне удалось его нарисовать. Колесики там тоже вот в зависимости от обстоятельств. Потом – глаза, чтобы смотреть, это – чтобы что-то там ощущать. Но вообще она [пауза], это существо, довольно романтическое все-таки [пауза], все еще пока не до конца все это у него закончилось. Поэтому я надеюсь, что оно все-таки выживет и будет эволюционировать дальше. Возможности у него есть – я, видите, оставила еще несколько дырочек для того, чтобы оно могло эволюционировать дальше. Поэтому я надеюсь, что судьба сложится у него хорошо. Будет семья, найдет себе пару, все сложится, в семье дети потом будут. Я думаю, все должно получиться. Все есть. Все заложено. А если чего-то не видно – оно там, внутри».

4. Фиксация на проблемных темах.

Защитные фиксации проявляются в проективных рассказах в застревании на отдельных сюжетах и темах. В отдельных случаях проблемная ситуация воспринимается испытуемым как типичная для его жизни ситуация с заранее предрешенным исходом, и в рассказе он демонстрирует свои негативные ожидания от нейтральной ситуации.

Пример. Рассказ испытуемой (20 лет, студентка) к «Рисунку семьи»: «Однажды… однажды все собрались пойти в лес на лыжах. Папа, как всегда, сделал в термосе чай, мама сделала бутерброды, собрались и пошли. Вот. Как обычно, обнаружилось, что у Женьки что-нибудь сломалось или потерялось; час провозились – искали долго… потом… так… пришел сосед, у него какие-то проблемы [смех], еще час провозились, в итоге пошли. Пока дошли до леса, уже темно – в общем, просто пришлось покататься по лесу быстренько и пойти домой. Все устали, очень нервные, и просто сели у телевизора кушать».

5. Агрессия.

Агрессия может как высказываться испытуемым по отношению к самой ситуации тестирования и тестовым заданиям, так и «вплетаться» в проективные рассказы –
в виде агрессивных высказываний и описания агрессивных действий.

Пример. Рассказ испытуемой (46 лет, преподаватель музыки) к «Рисунку несуществующего животного»: «Вот однажды лежит Котодракон [испытуемая] на диване, смотрит телевизор, слышит – шуршит что-то. Кто-то в соседней комнате шуршит. Пришлось с дивана слезть, пойти посмотреть – а там такой большой-большой мыш. Можно сказать, даже крыс [вероятнее всего, под этим персонажем имеется в виду муж испытуемой]. Ну и что? Котодракон взял – откусил ему башку, потом хвост. Хвост выплюнул, башку – в помойное ведро. Короче, навел порядок. И с чувством выполненного долга пошел опять на диван смотреть телевизор».

У некоторых испытуемых проявляется также подавленная агрессия, одним из наиболее ярких показателей которой является использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (иногда это сопровождается подчеркнуто доброжелательным выражением лиц персонажей в рисунках). В нашем представлении демонстрация подавленной агрессии связана с действием защитного механизма отрицания, при котором происходит подмена субъективно неприемлемого содержания более субъективно приемлемым.

Пример. Рассказ испытуемой (56 лет, сотрудник отдела кадров) к «Рисунку несуществующего

животного»: «Он называется Цурипупик. Вот он такой вот, вот такие глазки большие, может быть, уши, рожки, пушистый хвостик и лапки. Лохматенький. Он будет черным – это не обсуждается… Проснулся утром, пошел погулять, поймал мышку, съел. Потом… не знаю, зашел к соседям в гости – просто пообщаться. Перебил всю посуду, которая стояла на столе, съел сосиску из кастрюли… ну, и ушел спать в лес».

Характерно, что в данном рассказе «уменьшительно-ласкательное» описание животного («хвостик», «лапки», «лохматенький» и т.п.) сопровождается агрессивными действиями («поймал мышку», «перебил посуду»), что является индикатором подавленной агрессии.

6. Самоприукрашивание.

При использовании самоприукрашивания в рассказе испытуемого его фигура представляется в явно выигрышном свете. По нашему мнению, связано с защитной реакцией тотального контроля (всемогущества), которая отражает тенденцию воспринимать себя как основную причину многих явлений и событий, объективно происходящих совсем по другим причинам, таким образом повышая собственную значимость в своих глазах.

Пример. Рассказ испытуемой (32 года, сотрудник консалтинговой компании) к «Рисунку семьи»: «Однажды все занимались своим делом. Каждый очень увлеченно занимался своим делом и не обращал внимания на окружающих. Все закончилось в тот момент, когда мне это надоело. Я захлопнула книжку и сказала: "Уважаемые родственники! Давайте сядем за стол и пообщаемся друг с другом". И все сели за стол и стали рассказывать, что интересного у них произошло сегодня. И в итоге, когда все сидели за столом и обменивались своими мыслями и эмоциями, они вдруг почувствовали, что являются единой семьей».

В данном рассказе обозначение проблемы (разобщенность семьи) сопровождается позиционированием испытуемой как главного «миротворца», разрешающего эту проблему. При этом следует обратить внимание на то, что способ разрешения проблемы в рассказе представлен крайне легким, не требующим особых усилий. Таким образом, защитная реакция подменяет собой более глубокую рациональную проработку проблемы.

7. Компенсация.

Актуализация данной реакции связана с динамикой процессов целеобразования: цель разрешения проблемной ситуации обобщается таким образом, чтобы при какой-то интерпретации она воспринималась как достижимая.

В некоторых случаях наблюдается реакция гиперкомпенсации: происходит изменение отношения к проблемной ситуации, которая начинает восприниматься испытуемым как источник развития.

Пример. Рассказ испытуемого (студент, 20 лет): «Однажды [пауза] на другой планете, которая от Земли дальше чем Марс, жили-были разные человечки. И среди них вот такой вот жил человечек маленький [очень долгая пауза]. Ему было все интересно, он много стремился узнать и достиг многого в своей жизни, когда вырос [пауза]. Стал большим [пауза] мудрецом и [пауза] воспитывал других маленьких зеленых человечков».

Следует заметить, что автор рассказа оценивает себя как человека не очень умного и на протяжении многих лет и в школе, и в вузе отличается плохой академической успеваемостью. Подобный сюжет, в котором маленький человечек становится мудрецом и начинает учить других, являет собой не что иное, как компенсаторную реакцию.

8. Ограничительные реакции.

Проективный смысл подобных реакций состоит в прекращении деятельности из подсознательной боязни наступления различного рода ее последствий. В проективных рассказах испытуемых это проявляется в том, что рассказ как будто обрывается «на самом интересном месте», в момент, когда появляются возможности для развертывания действий.

> *Пример*. Из рассказа испытуемой (26 лет, юрист) к «Рисунку семьи»: «И вот однажды [вздох, долгая пауза], и вот однажды к нам забрела какая-то волшебница [пауза], ну, [пауза] не знаю [пауза], ну да, и осталась. В общем, все закончилось хорошо».

9. Делегирование ответственности.

Данная реакция проявляется в том, что испытуемый демонстрирует состояние беспомощности, неспособности самостоятельно разрешить проблемную ситуацию. Важным моментом этой реакции является готовность испытуемого к тому, чтобы ситуация разрешилась не в его пользу, – однако при этом чтобы за ее разрешение был ответственен кто-то другой. При этом в проективном рассказе часто присутствует персонаж, который в представлении испытуемого является более старшим и опытным и на которого «перекладывается» ответственность за разрешение проблемной ситуации.

> *Пример*. Рассказ испытуемой (34 года, учитель) к «Рисунку несуществующего животного»: «Вообще у Зеленоглазого Павлинорога не было хвоста, и он очень переживал по этому поводу. Потому что, во-первых, у всех его сородичей хвост был, во-вторых, он не соответствовал своему названию. И поэтому все жители сказочного леса, в котором он жил, спрашивали у него: "Какой же ты Павлинорог, если у тебя нет нормального хвоста?". Он очень мучался, потом решил пойти к самому старому жителю леса – мудрой сове – и узнать у нее, почему же он без хвоста. Сова сказала, что на самом деле он не должен расстраиваться, потому что именно у Зеленоглазых Павлинорогов хвосты вырастают в возрасте восемнадцати лет. И если он подождет еще полгода, вместо этого огрызка у него вырастет шикарнейший хвост, с помощью которого он будет пользоваться популярностью».

Сопоставление различных защитных стратегий, реализуемых в творческой мыслительной деятельности субъекта, указывает на наличие в них общих черт и черт, специфических для данных конкретных задач. Наличие общих («сквозных») характеристик имеет диагностическое значение с точки зрения определения факта актуализации защитной стратегии и свидетельствует о наличии защитных компонентов в реализуемой субъектом творческой мыслительной деятельности.

Так, схожими по своему психологическому смыслу, по нашему мнению, являются следующие феномены, выявленные в разных исследованиях: прямые и грубые искажения смысла зондовых пословиц [Арестова, 2006]; полное вытеснение зондовых словосочетаний [Арестова, 2007]; искажение значимости информации, получаемой от компьютера (игнорирование части его сообщений), при решении мыслительных задач в диалоге с компьютером [Березанская, 1987]; реакции ухода, вычленяемые в проективных рассказах испытуемых. Защитная регуляция мыслительной деятельности во всех этих случаях связана с утратой, выпадением из сознания части психологической реальности и переключением энергии на другие виды деятельности. Таким образом, во всех этих случаях происходит дистанцирование от проблемной ситуации.

«Сквозной» характеристикой защитной регуляции мыслительной деятельности можно назвать также оценочность, выявленную на материале методики «Толкование пословиц» [Арестова, 2006], решения задач в диалоге с компьютером [Березанская, 1987] и в проективных рассказах испытуемых к методикам «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи». Защитный смысл мыслительной операции категоризации в данном случае состоит в обесценивании проблемной ситуации, приуменьшении ее субъективной значимости. Сходный проективный смысл имеет и выявленная в нашем исследовании реакция самоприукрашивания, суть которой состоит в

возвеличивании «себя в ситуации» – то есть приуменьшении ее субъективной значимости.

Агрессивная реакция – важная характеристика, выявленная в нескольких исследованиях на материале различных методик. Она проявляется как в форме агрессивных высказываний в адрес тестирования, стимульного материала, так и во «вплетении» агрессивных деталей в сюжет проективного рассказа. Агрессия может также сопровождать оценочные высказывания, однако, в нашем представлении, основная ее функция состоит в разрядке возникающего эмоционального напряжения. В связи с этим мы считаем, что эта психологическая реальность сопоставима также с такими показателями, как «проявление признаков эмоциональной реакции» у испытуемого и «наличие признаков аффективного переживания в рисунке» [Арестова, 2007].

По результатам упомянутых исследований можно говорить о таком виде защитной регуляции мыслительной деятельности, как разнообразные формы рационализации. Эта реакция проявляется как искаженное или частично правильное воспроизведение зондовой пословицы с утерей какого-либо компонента словосочетания [Арестова, 2006], снижение значимости мотивации достижения и выбор субъективно легких заданий – феномен «кислого винограда» [Березанская, 1987], а также в виде разборов реальной жизненной ситуации в проективных рассказах испытуемых к «РНЖ» и «Рисунку семьи».

Как показывают результаты исследований, значимую роль в регуляции мыслительной деятельности играют защитные фиксации. Так, О.Н.Арестова упоминает о застревании некоторых испытуемых на определенной теме, связанной с содержанием актуального мотивационного конфликта, неспособности «переключиться» на другие темы [Арестова, 2006]. Н.Б.Березанская в качестве одного из важных параметров мыслительной стратегии называет ее динамичность, а также отмечает связь гибкости защитной стратегии с чувствительностью к собственным ошибкам и, как следствие, эффективностью процессов контроля и стратегии в целом. В нашем исследовании у нескольких испытуемых также отмечалась защитная фиксация на проблемных темах и отдельных деталях проблемной ситуации.

При использовании различных исследовательских схем стабильно выделяется также такая характеристика, как защитное делегирование ответственности. Н.Б.Березанская в компьютерном эксперименте называет этот феномен переоценкой интеллектуальных возможностей компьютера [Березанская, 1987]. В проективных рассказах испытуемых эта реакция проявилась в виде ожидания разрешения проблемной ситуации кем-то со стороны, введения в рассказ подобных персонажей.

Выявление «сквозных» характеристик защитной регуляции мыслительной деятельности позволяет обозначить общие параметры, определяющие процесс развертывания защитной стратегии. К таким параметрам мы относим:

- категоричность – или, напротив, безоценочность (этот параметр определяет степень смысловых искажений при актуализации защиты);
- гибкость – или, напротив, ригидность (этот параметр определяет адаптивность стратегии);
- аффективность – или, напротив, рациональный контроль (параметр связан со степенью включенности эмоций в защитные процессы);
- дистанцирование – или, напротив, погружение в проблемную ситуацию (параметр связан с детализацией реагирования).

К числу специфичных способов развертывания защитной стратегии, выявленных только в методиках «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи», нами отнесены компенсаторные реакции, влияющие на процессы целеобразования (обобщение цели таким способом, чтобы она воспринималась как достижимая), и ограничительные реакции (прекращение деятельности из подсознательной боязни наступления различного рода последствий).

Выводы

1. Развертывание защитной стратегии оказывает значимое влияние на субъективное преломление в понимании творческих мыслительных задач, включающих элемент мотивационной неоднозначности. Параметры защитной стратегии определяют специфику регуляции мыслительной деятельности.

2. Диагностические возможности методик «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи» позволяют применять их как инструмент для исследования характерных для субъекта способов личностной регуляции решения творческих мыслительных задач, в том числе их защитных компонентов.

3. Обобщая результаты исследований разных авторов, можно выделить «сквозные» характеристики защитной регуляции мыслительной деятельности: выпадение из сознания части психологической реальности, обесценивание проблемной ситуации, эмоциональная разрядка (в том числе в форме агрессии), рационализация, фиксация и делегирование ответственности.

4. Выявление «сквозных» характеристик развертывания защитной стратегии позволяет обозначить общие параметры, определяющие процесс развертывания защитной стратегии: категоричность – безоценочность (этот параметр определяет степень смысловых искажений при актуализации защиты); гибкость – ригидность (этот параметр определяет переключаемость стратегии); аффективность – рациональный контроль (параметр связан со степенью включенности эмоций в защитные процессы); дистанцирование – погружение в проблемную ситуацию (параметр связан с детализацией реагирования).

Литература

Арестова О.Н. Мотивация как негативный фактор мышления // Современная психология мотивации / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 233–243.

Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. N 1. С. 83–93.

Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. 2007. N 2. С. 161–171.

Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 95 с.

Асмолов А.Г. Когнитивный стиль личности как средство разрешения проблемно-конфликтных ситуаций // А.Г.Асмолов. Культурно-историческая психология и конструктирование миров. Москва: ИПП; Воронеж: МОДЭК, 1996. С. 550–552.

Бассин Ф.В., Бурлакова М.К., Волков В.М. Проблема психологической защиты // Психол. журн. 1988. N 3. С. 30–41.

Березанская Н.Б. Индивидуальные стили использования ЭВМ при решении творческих задач // Психологические проблемы автоматизации научных исследований. М.: Наука, 1987. С. 181–203.

Березанская Н.Б. Механизм психологической защиты личности в структуре процесса принятия решения // Категории, принципы и методы психологии: тез. науч. сообщ. сов. психологов к VI Всесоюз. съезду о-ва психологов СССР. М.: Наука, 1983. Ч. 3. С. 493–495.

Блюм Г. Психоаналитические теории личности. М.: Акад. проект, 1999. 224 с.

Васильев И.А. Мотивационно-эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 1998. 41 с.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 199 с.

Грановская Р.М., Никольская И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1999. 352 с.

Копина О.С. Исследование эмоциональной регуляции мыслительной деятельности в условиях различной мотивации: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1982. 16 с.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.

Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл, 1999. 533 с.

Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М.: Класс, 2006. 480 с.

Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. Как любить детей. М.: Педагогика, 1972. 168 с.

Нестандартизированные психодиагностические методики исследования мышления – обеспечение сопоставимости и надежности данных: метод. пособие / С.-Петерб. психоневрол. ин-т им. В.М.Бехтерева. СПб., 1995. 27 с.

Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи: Талант, 1996. 144 с.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии. 1982. N 1. С. 99–104.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопросы психологии. 1983. N 2. С. 35–42.

Соколова Е.Т. Феномен психологической защиты // Вопросы психологии. 2007. N 4. С. 66–80.

Тихомиров О.К. Психология мышления: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб. [и др.] : Питер, 2002. 224 с.

Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y., 1984. 201 p.

Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotions // Plutchik R., Kellerman H. (eds.). Emotions: Theory, research and experience. N.Y.: Academic Press, 1980. Vol. 1. P. 3–33.

Vaillant G.E. Adaptive mental mechanisms: Their role in a positive psychology // American Psychologist. 2000. Vol. 55, N 1. P. 89–98.

Поступила в редакцию 19 июня 2010 г. Дата публикации: 29 августа 2010 г.

Сведения об авторе

Калинина Надежда Викторовна. Аспирант, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, корп. 5, 125009 Москва, Россия.
E-mail: lapus@list.ru

Ссылка для цитирования

Калинина Н.В. Защитные стратегии в регуляции творческого мышления субъекта [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 4(12).
URL: http://psystudy.ru (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0037.
[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

К началу страницы >>